

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ПОРТ СЕМИ
СМЕРТЕЙ**

Морской спецназ

Сергей Зверев

Порт семи смертей

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Порт семи смертей / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013 — (Морской спецназ)

Группе боевых пловцов во главе с капитаном второго ранга Татариновым приказано взять под охрану российский сухогруз «Василий Теркин» с гуманитарной помощью на борту. Задача группы – обеспечить безопасность экипажа и судна на протяжении всего маршрута следования вплоть до разгрузки в небольшом африканском государстве Джибути. До места назначения «Василий Теркин» добирается без происшествий, но в порту экипажу российского судна буквально объявляют войну: сухогруз подвергается торпедной атаке, а на боевых пловцов неожиданно нападают наемники из французского Иностранного легиона...

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Сергей Зверев

Порт семи смертей

Весна. В Новороссийске тепло.

Апрельские крыши невысоких пятиэтажных домов, крытые листовым железом, прогреваются на солнце. Теплолюбивые коты вылезают на крашенный когда-то коричневой краской металл и греют кости после мерзкой зимы. Тут же прохаживаются слегка отощавшие, но не утратившие оптимизма по поводу собственного благополучия голуби, что играет тем же котам на лапу.

Почки распустились несколько недель назад. Дворы утопают в свежей зелени и ароматах цветущих деревьев. Город ждет лета, а с ним и нового туристического сезона.

Уже появились первые отдыхающие с севера, несчастные сбежали от городского гнета к открытой воде и местным кафешкам. Пришельцев легко вычислить на набережной по белой коже и любопытным физиономиям, свойственным людям на экскурсиях. Они стоят парами, или целой семьей, или группами и тупо смотрят на кромку Черноморского моря у их ног.

Потом кто-то поднимает гальку с берега и начинает ее бросать в воду. Остальные зомби смотрят на чудака, как бы говоря самим себе: «Ух ты, вон как, оказывается, можно делать». И тоже берут в ладони камушки и бросают их в воду, наслаждаясь непродолжительным полетом крохотной частички природы и едва слышным бульком. Сеанс выздоровления и медитации проходит для пациентов мягко и незаметно. Изможденных бетонными муравейниками восстанавливает и заряжает на новые подвиги огромное море.

Но есть в Новороссийске и те, кто не только любит море, но и живет им, живет в нем. Те, кто выбрал морские походы своей работой и своей судьбой. Потомки прадедов, отстоявших в прошлом веке в аду Второй мировой войны Малую Землю, приняли эстафету поколений и, повинувшись зову сердца и долга, в урочный час надели на себя черные бушлаты морской пехоты.

* * *

Где-то вблизи Новороссийска, где точно, нам знать не положено, на военной базе, затерявшейся между сопками, поросшими соснами и акациями вперемешку, проходил срочный инструктаж с постановкой боевой задачи.

Мягкий морской воздух очень сложно наэлектризовать. Электричество не концентрируется из-за обилия водяных паров. Благодаря буйной энергии, распирающей военный класс, кусок атмосферы не искрил, а кипел от напряжения и от каменных, сосредоточенно внимавших докладчику лиц.

Едва успевший закончить свой отпуск капитан второго ранга Татаринцов, подполковник по-сухопутному, сидел в джинсах и футболке, пытаясь вспомнить, кто он и где.

Море. Если тебя никто не достает в течение двух недель, ты начинаешь становиться нормальным человеком. А потом снова на работу, а потом снова в дурдом. Там, где приходилось работать Татаринцову, не каждый протянет и месяц. А он тянул. Потому как выбрал себе занятие – воевать. Ничего другого по-серьезному, по-настоящему, профессионально и не умел. А с годами стал понимать, что уж лучше делать что-то одно хорошо, чем иметь сто средненьких и никому не нужных навыков.

Когда кавторанга был пацаном, он мечтал о кроссовках «Adidas», непонятная для современных мальчиков и девочек мечта, им теперь i-продукцию подавай. Но в то время...

Татаринцов смотрел на носки новеньких туфель. Детская мечта, сколько ж лет прошло. Но кроссовки классные. Улыбаясь своим мыслям, командир отряда боевых пловцов где-то далеко

впереди слышал голос незнакомого ему офицера. Некий силуэт стоял рядом с экраном, на который лучи проектора проецировали мысли докладчика.

Голос стал нарастать и отвлекать от воспоминаний о рыбалке. Знаете, он какого окуня поймал два дня назад... Здоровый, сволочь, спиннинг едва из рук не выдернул.

Среди братьев по оружию Татаринов сейчас выделялся не только отсутствием формы, но и отсутствием мыслей. Ну и пусть где-то кипит воздух и до кого-то пытаются довести необходимую вводную. Ему хорошо, ну и пусть он опоздал. Звонить надо заранее. Ни помыться, ни побриться. Вокруг него сидели серьезные люди в полевой форме и слушали инструктаж с меняющимися слайдами, а он балдел.

Для того чтобы контрастность была лучше, окна в классе прикрыли жалюзи, и Татаринов мог видеть вокруг себя лишь в серых тонах. «Когда это все закончится? – с раздражением подумал он. – Все понятно было за три минуты. Зачем этот политический брифинг?»

Спиной к экрану и лицом к слушателям стоит, кажется, подполковник, да, точно, и водит лазерной указкой по появляющимся картинкам. А Татаринов продолжает находиться в отпуске. Там тихо, птички щебечут в небе, какие-то огромные ярко-красные цветы, маленький водопад, разбивающийся и брызжущий у ног.

Неожиданно прилетела маленькая колибри, таких птичек в отпуске не было! Она зависла у него перед носом, плавно превращаясь в мужскую руку. Такую мечту загубили! Как красиво было!

Старший лейтенант Голицын махал рукой перед глазами шефа, пытаясь вернуть его в реальность. Очнувшись, Татаринов сфокусировал взгляд на докладчике. Тот пристально еще пару секунд смотрел на него, мол, что-то вы, товарищ, не с нами, а дело государственной важности.

Судя по всему, от докладчика прозвучал какой-то вопрос в его адрес, но Татаринов не слышал и теперь сидел в задумчивости. Не зная, что ему ответить, он посмотрел на Поручика (так уж получилось, по песне: «...поручик Голицын, раздайте патроны. Корнет Оболенский, надеть ордена». Да, если твоя фамилия Голицын или Ржевский, ты в России можешь быть только Поручиком). «Надо бы еще Оболенского завести, для полного соответствия. Выпросить себе адъютанта, что ли», – продолжал туго возвращаться в реальность Татаринов. Старший лейтенант подсказал:

– Через сколько мы будем готовы?

Тут кавторанга быстро пришел в себя и перебрал весь личный состав:

– Голицын, Диденко, Марконя, Мальш, Бертолет, Док, все на месте?

– Все в классе, – подтвердил Голицын. – Я Голицын, товарищ кавторанга, я в классе. Не узнаете, после отдыха-то.

Капитан мог позволить поприкалываться над собой внутри группы, но не на людях. Поэтому он едва слышно оборвал Голицына:

– Разговорчики...

Капитан второго ранга Татаринов вернулся на службу.

– Два часа на сборы, товарищ подполковник.

Ведущий семинара одобрительно кивнул и продолжил:

– Командовать операцией назначается майор Кривошеев.

По правую руку от Татаринова поднялся майор, чья огромная грудная клетка и отсутствие шеи выдавали морского пехотинца с потрохами.

«Породистый военный, – согласился про себя Татаринов. – Это хорошо».

Когда офицер сел, стоящий у экрана подполковник одернул и без того ладно сидящий китель и официальным тоном заявил:

– Приказываю: зайти на борт сухогруза и обеспечить его разгрузку в порту Джибути...

Татаринов навел фокус на изображение, которое было на экране. Баб-эль-Мандебский пролив. Между Красным морем и Аденским заливом. Бутылочное горлышко, знакомое Татарину вдовль и попереk. Он бывал там так часто, что ему порой начинало казаться, что у него там дача.

– ...Вначале сухогруз зайдет в сирийский порт Аден, где вы погрузитесь на него, и только затем отправитесь в Джибути...

После того как инструктаж закончился, Татаринов пошел знакомиться с майором, так как раньше они никогда не встречались. Кривошеев также сделал несколько шагов навстречу.

Пожав руки, они вышли из класса на воздух, чтобы попытаться наладить взаимодействие. Майор понимал, что по табели о рангах Татаринов старше его, но в данной операции именно на нем лежит ответственность за выполнение задачи.

А в небесах порхают птички, стрижи да ласточки, синички. Красота. Стоит терпеть зиму, чтобы ценить весну.

Татаринов спросил:

– Сколько у вас людей?

– Двадцать восемь человек. Больше не дали. Но и ваших, как я уже заметил, шестеро. Вместе с нами получается тридцать шесть. Плюс усеченный экипаж судна – пятнадцать человек. Но они так, ни то ни се. Готовьтесь. Даю вам два часа, как вы и просили. Небольшой запас времени у нас еще есть.

– Есть начать готовиться, – Татаринов сделал полшага назад, чтобы не махать клешней перед носом командира, и отдал честь.

* * *

Старший лейтенант Голицын любил сладкое и тягучее время выбора. Минуты горящих глаз, мгновения бесплатной распродажи. Да, такие бывают... но только в армии. Когда ты заходишь на армейский склад и мир ластится у твоих ног, словно маленькая подхалимистая собачонка перед своим хозяином.

Бесплатный оружейный магазин. Непрерывная дискотека непрерывной смерти в воплощениях сотен и тысяч способов убийства. Чего там только нет, в этих закрытых от посторонних глаз пороховых погребах... и опять нам не положено знать всех подробностей. Враг не дремлет. Мы лишь можем приоткрыть полог тайны и взглянуть на некоторые полки, штабеля и стеллажи одним глазком.

Ты берешь, снимаешь, открываешь и тащишь, наполняешь, пересыпаешь, сматываешь, продуваешь в случае необходимости, режешь, наполняешь, пересчитываешь, прикручиваешь, собираешь, вставляешь и снова берешь, и снова тащишь, волочешь и переносишь ко входу. И время вроде бы есть, но успеть надо так много, что его уже нет. Рюкзак за рюкзаком, сумка за сумкой, цинк за цинком.

– Ох-ох-ох, далеко лететь, далеко лететь, – причитает старший мичман Диденко, словно ему не четвертый десяток идет, а восьмой, стоя рядом с Голицыным и затариваясь гранатами. – Еще и шашечек дымовых положу, а то ничего под рукой не найдешь, когда она самая тебе так сильно требуется. А из баб там только негритянки, – неожиданно заключил он, аккуратно стаскивая с полки ящик с магнитными минами.

Капитан-лейтенант Марконя, отвечающий за связь, пошел в другой конец длинного ангара за батарейками и аккумуляторами. Насытившись на несколько лет коротковолновыми рациями, антеннами, наушниками, кабелем и гарнитурами, он поспешил доложить Татарину, что закончил комплектоваться.

Командир подозвал Малыша. Здоровый мичман показался из прохода между ящиками с крупнокалиберным пулеметом в руках. Глядя на него снизу вверх, Татаринов одобрительно

кивнул, велел поставить агрегат на асфальт и, указав направление, повел в другую секцию склада, где лежали цинки с патронами. Когда они отодвинули брезентовую занавеску, у мичмана непроизвольно выделилось большое количество слюны. Пришлось сглотнуть. Не плевать же перед командиром.

Представшие перед ними бесконечные ряды боеприпасов, такие знакомые и милые сердцу стопки ящичков, стоящие на поддонах, всегда поднимали силу духа и настроение. Смертоносные запасы нельзя было мерить в штуках. Упорядоченную грудку чудовищной мощи, заключенную в деревянные рубашки зеленого цвета, хотелось просто осознать и объять, но сделать это практически было невозможно. Кэп – как называли подчиненные командира, начал отсчитывать ящики.

– Один, два, три, четыре, пять, десять. Ты только не думай ничего, Малыш. Ты новости, наверное, давно не смотрел, дружище. Перенеси к выходу все вот это. Через пятнадцать минут подходит машина. Погрузим, и в аэропорт. На юг полетим. Красота.

Татаринов вышел на свежий воздух, принимать и оценивать все то, что насобирали его бойцы.

Малыш как младенец перетаскал полторапудовые ящички и вернулся к остальным на склад оборудования. Не находя себе занятия, так как все свое он уже подготовил, здоровяк пристал к своему коллеге-подрывнику старшему лейтенанту Бертолету:

– Чего Кэп про новости говорит? Чего там в Джибути?

Старший лейтенант, не отрываясь от осмотра подводного снаряжения, со вздохом, который иногда испускает профессура в адрес аспирантов, прокомментировал слова командира:

– Столица государства Джибути, город Джибути, оригинально, правда? Малыш, ты бы в берлоге жил, да? Зачем тебе какие-то дальние страны?

– Неправда, – обиделся мичман, – я путешествовать люблю. Что и делаю, причем на халяву.

– Революция там, понимаешь. Мы им продовольствием поможем. Мукой. Будем охранять мешки, чтобы еда тем, кому надо, в руки попала.

– Выходит, серьезные дела.

– Серьезней не бывает, – согласился Бертолет, продолжая упаковывать амуницию. – Если бы там все тихо было, нас бы туда не дернули. Пойди, делом займись.

– А я уже все собрал, – несколько обиженно ответил Малыш, поглядев на сложенные в углу свои «личные» вещички общим весом килограммов сто пятьдесят. А так они, наверное, насобирали тонны на полторы всякого разного и нужного, и на всякий случай, и на непредвиденные обстоятельства, и для души.

Подкатил «Урал». Из кабины на землю соскочил небольшого роста плотный солдатик и побежал к первому встречному, а им оказался добрый доктор Айболит по прозвищу Док, и поспешил доложить ему о прибытии.

– Вон Татаринов, – кивнул медик, продолжая ковыряться в своих причиндалах, необходимых в случае чего для быстрого ремонта военнослужащих на поле боя.

Больше похожий на киндер-сюрприз, чем на пехотинца, животастый и румяный мамин сын быстрым шагом подошел к Татаринovu и доложил о прибытии, оповестив следующим предложением командира боевых пловцов о том, что до вылета осталось три часа и им нужно поторапливаться.

После того как были отодвинуты примитивные задвижки, задний борт грузовика чинно громыхнул, возвещая о начале погрузки. Внутри стали споро загружаться двухсредные автоматы, подводные ружья, глушители, гидрокостюмы, маски, системы замкнутого дыхания, боеприпасы, запасные ремонтные комплекты, несколько десятков пластиковых упаковок с сухим пайком – так надежнее. От дома будешь далеко, надейся на себя...

В самый последний момент интендант в звании капитана, командующий огромными безмолвными хранилищами, эдакий повелитель уснувших бетонных големов, услышав, что началась погрузка, поспешил подойти к грузовику.

– Эх вы захаписты, – прокомментировал он, посмотрев в кузов.

Татаринов молча протянул ему заполненный бланк, на котором было расписано все то, что они забрали с собой.

– В компьютер теперь все это рука вбивать устанет, – пожаловался интендант, а сам с удовольствием начал рассматривать, как морпехи, словно крестьяне в компьютерной игре, таскают тяжелое снаряжение. По роду службы он частенько наблюдал картину, как имущество тягают то на склад, то со склада. Никогда не мог отказать себе в удовольствии посмотреть на то, как работают другие. Но все закончилось настолько быстро, что он даже не успел расслабиться.

– Куда едем? – как бы невзначай спросил капитан.

– Государственная тайна, – ответил ему Татаринов, хотел прочистить мозги в отношении бдительности, но сдержался и, пожав капитану руку, запрыгнул в кабину, а впрочем...

– Капитан, ты меньше лысого гоняй и больше печатай, нарабатывай навык.

– Что?! – вскипел глава големов.

– Смирно! – рявкнул Татаринов...

Капитан понимал, что перед ним не киношный герой. Будешь перечить, еще и по голове наступит. Они же все чокнутые в этом спецназе.

* * *

Погода благоприятствовала. Море не доставляло никакого беспокойства экипажу сухогруза, идущего со скоростью 10 узлов к порту назначения Джибути. Четыре тысячи тонн пшеницы – подарок российского правительства новой власти, которая успела несколько раз публично признаться в любви далекой большой северной стране. Политическую проституцию принято оплачивать.

Капитан судна, Евгений Леонидович Пожаров, лежал в одних трусах в своей каюте и почитывал увлекательный детектив, когда старший помощник Селиверстов, несущий вахту, доложил ему о необходимости пообщаться с Москвой.

Поднявшись в рубку, капитан взял трубку и воткнулся в нее жесткими усами. На проводе оказался лично директор компании, владеющей судном. Слушая, что им нужно будет зайти в порт Аден, для того чтобы взять на свой борт военных, капитан быстро высчитал в голове, хватит ли ему топлива. Запас был.

– А что случилось? – забеспокоился Пожаров.

– Ничего особенного, просто страховка, – ответила трубка.

Капитан уже давно перестал верить телефонным басням, тем более из уст хозяев.

Пожаров аккуратно положил говорилку, после чего прокомментировал:

– Жопа. Белая, мягкая жопа прекрасной прачки.

Старший помощник Федор Селиверстов или, как его запросто все называли, Федя или Федюнчик, вопросительно смотрел на капитана ровно столько, сколько требовалось начальнику для того, чтобы сформулировать следующие распоряжения:

– Скоро пролив. Так вот, повернешь на восток, а не на запад. Вначале пойдем к арабам в Аден, там возьмем на борт морпехов. Такие дела. – Капитан посмотрел на линию горизонта. Закурил...

Больше десяти лет назад Селиверстов служил на военном флоте. Корабли тогда больше стояли у причалов, но какое-никакое представление о службе он все-таки получил. Столь срочная переброска десанта на борт никак не поднимала настроение. Когда тебе тридцать шесть, ты полон жизненных планов, тебе еще нужно вырастить детей, ты уже давно не заглядывал к

Любке-соседке и не проверял, все ли у нее в порядке под юбкой, ты еще не купил свой «Мерседес»... а тут ба-бах, и война.

– Ты чего так побледнел, – усмехнулся Пожаров, постукивая детективом по приборной панели.

– Товарищ капитан, – предупредил Селиверстов, показывая глазами на книжку.

Капитан резко отдернул руку, перестав колотить корешком рядом с кнопками и тумблерами. По переговорному устройству попросил кока сварить кофе.

* * *

16.04. Вылетели из аэропорта Адлера и взяли курс на Йемен.

«Ту-154 м» легко проглотил взвод морпехов вместе с багажом, разбежался по взлетной полосе и взмыл в небо.

Солдаты развалились на креслах. Каждому досталось по три штуки в одни руки. Не тесно. Лететь чуть менее четырех часов, есть время и поспать.

«Пока перелетим ближе к экватору, будет уже тьма», – подумал Татаринцов, засыпая, но машинально успел окинуть взглядом салон, где вместе с ним сидело три десятка молодых и здоровых парней, однажды выбравших, точно так же, как и он несколько лет назад, службу, а не торговлю тряпками или еще какую-нибудь ерунду.

Когда шасси снова коснулись земли, капитан второго ранга открыл глаза. Похвалил сам себя, что он успел подремать.

Кривошеев и Татаринцов сошли на землю, в то время как солдаты еще оставались в самолете. Наступил вечер. Темнота скрывала от посторонних глаз подробности происходящего на аэродроме.

Совсем не свежо, расстроился Татаринцов, пытаясь вдохнуть полной грудью. Воздух вроде и был. Но его вроде и не было. Не остыл еще кислород с азотом. Когда же у них холодно-то?

У трапа военных встретил высокий лысый человек. Дорогой темный костюм. Белая рубашка. Очки в золотой оправе.

Дипломат.

На полном лице сама собой появилась отработанная улыбка. Поздоровался с прибывшими и сообщил, что является послом в Народно-Демократической Республике Йемен, что фамилия его Морж и что он должен с ними переговорить в своей служебной машине.

Офицеры сели в уже не новый, но большой «Мерседес». У Татаринцова меж тем в голове продолжала пульсировать одна и та же мысль о малой нужде, которая постепенно превращалась в большое неудобство. В самолете не успел. Приходилось терпеть. Попытка та еще. Каждый знает.

Морж отправил водителя покурить, а сам с переднего сиденья пассажира повернулся к офицерам.

– Я должен сообщить вам, что за последние сутки ситуация в Джибути обострилась. Пока местным военным удастся сдерживать отряды оппозиции, но возможны провокации, поэтому будьте готовы к тому, чтобы отразить угрозу при заходе нашего корабля в порт Джибути и при разгрузке судна. По нашим данным, там пока не так все плохо. Есть небольшой контингент, состоящий из легионеров на французской военной базе, но их человек сто, и они предпочитают ни во что не вмешиваться.

Сейчас подадут автобус, и мы поедем в порт. Корабль уже у причала.

Татаринцов как бешеный енот выскочил из машины и с лицом, наполненным злобой, подошел к самолету и помочился на его переднее колесо. Наплевать на Кривошеева, наплевать на посла, наплевать на водителя посла.

Когда Татаринцов вышел из-под фюзеляжа самолета, увидел на трапе командира «тушки».

Не найдя слов, Татаринов отдал ему честь. Больше отдавать было нечего. Он не виноват, что всю дорогу спал, а потом беги к российскому послу в Йемене. Йемен? Где это? Ночь, ничего не видно. Может, это Саратов, а не Йемен.

«Й-е-м-е-н» – вот назвали. Но звучит, звучит, не откажешь.

* * *

Несмотря на фон, складывающийся из шума бьющихся о пирс волн, рычания двигателей тяжелых грузовиков, шептания лебедек портовых кранов и лязга контейнеров, капитан, стоя на мостике, отчетливо услышал топот армейских ботинок по заранее сброшенному трапу.

Хочешь не хочешь, надо приветствовать гостей.

Первое, о чем подумал Кривошеев, глядя в глаза капитана корабля, это возраст. Хорошо, что капитан не молод. Опыт – штука ценная, его не пропьешь.

А Пожаров почему-то подумал, что повесить на рее этого военного никак не получится. Его фамилия не соответствовала фигуре. Какая кривая шея, ее вообще нет. И рожа, отставить, у старшего офицера лицо, ну на крайний случай физиономия, так это каменный шар в кепке, как-то так.

Татаринов, ступив на борт, обернулся и посмотрел вниз, где его подчиненные начинали разгружать свой хитрый и тяжелый багаж.

Выбравшись из старого автобуса и потопав по асфальту, для того чтобы размять онемевшие от перебросок по воздуху и суше ноги, Голицын посмотрел на сухогруз. Вместе с ним задрали головы и остальные прибывшие.

– Это что, шутка такая, – не понял Диденко, тыкая пальцем, как ребенок, в название корабля.

– Нормальное название, – не согласился Голицын. – «Василий Теркин», разве плохо?

– Поручик, он же не настоящий герой, а литературный...

– Мы тоже не настоящие. Нас тут нет, так что все очень даже в тему.

Бертолет, схватив свои манатки, вспомнил на ходу о том, как они пару лет назад хорошо провели время на одной яхте, принадлежащей миллиардеру. Покутили, постреляли. Какое было время. А кто-то еще и с деваками из obsługi порезвился...

– Да уж, здесь условия скромнее, – согласился Диденко, поглядывая на обшарпанную надстройку на юте.

Каждому пришлось сходить туда-сюда по десять раз, что помогло, с одной стороны, разогнать застои в организме, а с другой – в минуты, когда приходилось тянуть тяжести вверх по трапу, думать о том, что, может быть, не надо было так жадничать на складе.

На комфортные условия обитания никто не рассчитывал. От одного порта до другого всего каких-то сто двадцать морских миль. Потом сама разгрузка должна была занять минимум времени... С учетом того, что на сухогрузе еще советского производства были установлены три крана, позволявшие перебрасывать с корабля на сушу и обратно по пять тонн сразу. По современным меркам «Василий Теркин» – небольшой, даже, можно сказать, маленький, всего сто двадцать метров в длину и пятнадцать в ширину. Зато на нем без проблем можно проходить через любые каналы и шлюзовые системы, которые понастроены человечеством за долгую историю цивилизации. Небольшой удобный кораблик.

Если сказать, что с прибытием военных команде корабля пришлось потесниться, это значит ничего не сказать. Несмотря на усеченный экипаж, все равно коек всем не хватило. Но народ не унывал. Стелили прорезиненные коврики на пол тесных кубриков или же прямо на палубе под открытым небом.

Как только погрузочные манипуляции были совершены, сухогруз отошел от берега.

Капитан и офицеры уединились в небольшой каюте.

– Какие новости? – Пожаров с надеждой посмотрел на прибывших соотечественников, втайне желая услышать, что никакая опасность им в дальнейшем не грозит.

Вошел кок, которого звали Тургун. Небольшого роста худенький узбек принес жареную картошку на сале, салат из огурцов и помидоров, обильно посыпанный зеленью и политый оливковым маслом.

Когда матрос ушел, майор на правах командира группы обрисовал ситуацию.

– Вы мне, капитан, вот что скажите, местные ждут нас? – поинтересовался Татарин, начиная уплетать картошку.

– Ждут, точно, – подтвердил Пожаров. – Они же сами просили помочь. С разгрузкой проблем не будет. У меня все три крана рабочие. Главное, чтобы принимающая сторона не подвела.

– Будут крутиться, – поддержал Пожарова майор. – Они же жрать хотят, – и тоже набросился на хрустящую картошечку.

Офицеры поели, и их подчиненные, разложив оружие, боеприпасы и снаряжение, приступили к ужину, который успел до их приезда приготовить Тургун.

Потом, не желая толкаться в тесном пространстве кубриков, народ высыпал на палубу и расселся, как кому было удобно.

В силу своей специфики, да и в силу сложившихся обстоятельств, ныряльщики Татарина держались несколько особняком от взвода морских пехотинцев. Стороны не проявляли особого внимания друг к другу. Единственный, кто произвел впечатление на морпехов, так это Малыш, и то лишь своими габаритами. Заслужить уважение этих людей можно было только реальным делом, ну а большая фигура – ну да, ее издалека видно.

Поручик, сидя под яркими звездами, обдуваемый теплым ветром, смотрел на удаляющийся йеменский берег, который был покрыт огнями. словно множество светлячков слетелись в Аденскую бухту и прилипли к невидимым лепесткам гигантского бутона на разной высоте, бросая во тьму световые вспышки от ярко-синих до красных.

– Ты чего, Дениска, такой задумчивый, все о бабах гредишь? – подколот Голицына Дед.

– Да, Диденко, тебе бы только бабу, вози с собой резиновую пистю, что-ли.

– Не-е-е-т, задумчивый ты какой-то, лирически настроенный, – не унимался старший мичман. – К негряткам едем, развлекаться. Должен держать хвост пистолетом.

– Как настроение? – Татарин подсел к своим людям. – Завтра в одиннадцать часов, за час до подхода к Джибути, общее построение и постановка задачи, а сейчас всем отдыхать, это приказ.

* * *

Утро началось с общего построения и инструктажа...

Майор морской пехоты пока без бронежилета и каски вышел и встал перед строем.

– Слушай боевую задачу, – начал он. – Приказываю, перед заходом судна в порт укрыться в жилых отсеках корабля и без приказа не демаскировать свое присутствие до конца разгрузки. При этом находиться в состоянии повышенной боевой готовности. По данным разведки, возможны вооруженные провокации, а также нападение на корабль. В случае боестолкновения силами взвода отразить атаку противника с применением всего имеющегося оружия. Группе капитана второго ранга Татарина обеспечить невозможность минирования и подрыва судна диверсантами противника.

Товарищи военнослужащие, довожу до вашего сведения, что ситуация осложняется наличием рядом с городом французской военной базы. Ни в коем случае не допустить ранения французских военнослужащих, при условии отсутствия непосредственной угрозы с их стороны для жизни и здоровья членов экипажа корабля.

Время на разгрузку – одни сутки. Без приказа никто из личного состава на берег не сходит. Все. Выполнять поставленную задачу.

Татаринов попросил у майора двух человек, и, что ему очень понравилось, тот просто ткнул пальцем в первых попавшихся.

– Сержант, младший сержант, переходите в подчинение капитана второго ранга Татаринова.

Для того чтобы обеспечить под водой охрану периметра такого длинного судна, требовались свободные руки – таскать гидрокостюмы и снаряжение.

Когда джибутийский берег был уже достаточно хорошо виден, майор велел людям покинуть палубу и зайти в надстройку.

Глядя на приближающийся морской порт, Голицын поделился мыслями со стоящим рядом с ним Марконой, разглядывая унылый пейзаж.

– Это что такое, Луна или Марс? Ни тебе цветочков, ни тебе кусточков.

Берег действительно выглядел крайне пустынно. Растительности практически не было. Невдалеке сквозь дымку просматривались очертания невысоких гор. И больше ничего. Малоэтажный город посреди пустоты. Скучный и несколько мрачноватый пейзаж.

Когда подошли ближе, кроме портовых кранов стали видны еще и жилые кварталы с микроскопическими пятнышками цветастых тряпок, развешанных повсюду, что несколько скрасило первое впечатление.

Полуденное экваториальное солнце позднего апреля делало свое дело. Температура поднялась до тридцати градусов. Светило раскалило надстройку, в результате чего солдатам, сидящим в душных помещениях и готовым в любую секунду выбежать на борт, приходилось крайне несладко.

Пожаров в который раз выразил свое беспокойство тем, что возможен таможенный досмотр, но Кривошеев поспешил его успокоить. Военный бросил пару фраз о том, что их президент в контакте с нашим министром иностранных дел. Все договоренности достигнуты, иначе бы они в такую даль не перлись.

Получив удовлетворяющий его на настоящий момент ответ, капитан связался с диспетчером порта и выяснил причал, к которому ему необходимо швартоваться. Когда он понял, что им предлагается встать достаточно далеко, почти на самой оконечности длинного и широкого пирса, Пожаров в душе возмутился, но ничего не стал выговаривать диспетчеру...

Не успели они отдать швартовы, как к кораблю потянулась колонна из старых, но еще крепких американских грузовиков.

Из кабины первой остановившейся перед сухогрузом машины вышел человек с кожаной папкой. Одетый в белую рубашку с коротким рукавом и белые брюки, резко контрастирующие с его черным цветом кожи, он помахал капитану Пожарову. Тот, стоя у трапа, пригласил его подняться на борт. Но местный настаивал на том, чтобы капитан спустился вниз.

Собрав все имеющееся у него спокойствие и получив одобрение со стороны Кривошеева, усатый капитан судна пошел вниз по трапу.

Мужчины поздоровались. Капитан сообщил, что они готовы приступить к отгрузке немедленно. Встречающая сторона также была настроена по-деловому и предложила начать загружать подходящие порожние машины.

Огромные краны ожили. Мифические клешни стали цеплять поддоны с мешками муки, извлекать их из трюма и поднимать в воздух. После чего кран поворачивался и медленно опускал на очередной грузовик доставленный груз. В открытом кузове стояла пара рабочих, которые ловко принимали товар. Они отцепляли гигантский крюк, и грузовики уезжали по пирсу в сторону города.

Бойцы не могли видеть, как идет разгрузка, только те, кому посчастливилось сидеть в проходе, смотрели, как работают краны, дышали свежим воздухом, чего не могли делать их товарищи, которые находились в глубине надстройки.

Ни Диденко, ни другим членам группы Татаринова некогда было глазеть на разгрузку. По противоположному борту, скрывшись от лишних глаз за надстройкой, они спускались в воду, облаченные в гидрокостюмы с дыхательным аппаратом ИДА-2000.

Для того чтобы предотвратить возможную диверсию, решили работать сменными группами по три человека. Один у носа, второй у кормы, третий в середине, контролируя подходы к днищу судна и страхуя пловцов на флангах.

Это очень привычно, это почти купание, когда ты знаешь, что тебе делать, когда ты знаешь, куда тебе нужно смотреть. Единственное, ты не знаешь, чего тебе ожидать.

Поручик, Марконя и Бертолет пошли в первой смене. Им предстояло провести в воде три часа в постоянной боевой готовности. Кислорода в аппарате замкнутого цикла хватало на четыре часа ... Глубина примерно пятнадцать метров... Одну смену выдержать – не проблема, а если таких смен предстоит восемь в круглосуточном режиме? Не каждый выдержит...

Поручик отпустил фал, на котором его спустили вниз, и поднырнул под нос корабля. Он никогда не мог отделаться от легкого волнения при погружении. Тот, кто не волнуется, тот ненормальный. Ведь впереди абсолютно иной, такой родной и в то же время бесконечно неведомый трехмерный мир.

Снова размытая бирюза обволокла его. Знакомые рыбки, плавающие маленькими стайками. Он дома, он знает каждую из этих маленьких обитательниц в лицо. Ну... почти так.

Огромная вселенная, она в три раза больше, чем мир на суше. Она манит, гипнотизирует, волнует. Ничего сложного – работай, охраняй...

Поручик, не отплывая от корпуса далеко, осмотрел свой сектор и, не найдя никаких посторонних предметов на днище корабля, огляделся по сторонам. Вокруг него начала снова какая-то стайка, состоящая из длинных вытянутых серых рыбешек размером с ладонь. Как они называются, Денис забыл. Да и ладно, потом вспомнит. Главное, чтобы не было дельфинов. Эти твари ему не нужны тут по соседству. Если их научить убивать, они будут делать это не хуже собак на суше, а может быть, даже и лучше.

Приданных ему сержанта Бугрова и младшего сержанта Тыстина Татаринов заставил переодеться в позаимствованную у членов экипажа гражданскую одежду, потому как тем приходилось постоянно светиться на палубе, помогая опускать в воду пловцов.

Остальные его люди также были переодеты в гражданское, стояли на солнцепеке со скучающим видом вдоль борта и смотрели в воду.

Постоянные блики слетали с водной глади и нещадно били по глазам. Солнечные очки не спасали, кроме того, защищенными глазами смотреть в глубину не было никакой возможности.

Диденко, Док и Малыш смотрели вниз, сам Татаринов сидел тут же под любезно предоставленным командой корабля огромным пляжным зонтом. У кавторанга были на голове наушники, а на экране ноутбука он видел очертания корабля. Прежде чем нырнуть, Марконя настроил и спустил под днище корабля сонар...

Прошел час. Разгрузка сухогруза шла в быстром и в то же время размеренном темпе. А машины все прибывали и прибывали. Краны не уставали заполнять их новыми порциями поддонов с мешками. Капитан чуть расслабился. Он стоял рядом с трапом и уже перестал нервно постукивать пальцами по заграждению. Он бы вообще не дергался и ушел к себе, если бы не наличие на борту военных и не постоянное тревожное ожидание провокации.

– Как хорошо тем, кто ходит в Европу, – размышлял капитан, покуривая. – Пришел в какой-нибудь Амстердам, навестил местных шлюшек, соответственно, и настроение у тебя поднимается. И сам себя человеком чувствуешь. Так нет же, в Африку. Тут сплошной экстрим, тут постоянно кому-то что-то от тебя нужно...

Очередной поддон с мукой встал в кузов. Рессоры машины скрипнули так, что было слышно на корабле. Чтобы тронуться с места, двигатель заурчал громче. Машина несильно дернулась и покатила по пирсу.

«Быстро работают, – отметил капитан и поставил местным виртуальный плюстик. – Четыре тысячи тонн – это семьдесят вагонов. Целый железнодорожный состав, все население этой республики, которое не достигает и миллиона, можно кормить на протяжении двух недель. Да, это не просто помощь, да, это не просто дружеский шаг...»

Пока Пожаров витал в области международных отношений, Поручик продолжал дежурство на глубине.

Серых рыб больше не было, на их место приплыли бело-черные в вертикальную полосу с желтыми хвостами. Кабубы. Этих он знал. Крутятся над рифами. Чего им тут надо? Нашли место. Сколько времени нужно на то, чтобы взглянуть на стайку, доля секунды. А чтобы понять, что за рыбами есть еще кто-то? Сфокусировав взгляд, сразу за стайей Поручик увидел, как к кораблю в толще воды плывет абсолютно голый человек, если не считать тряпки, обвязанной вокруг его талии.

– Вижу человека в воде, – тут же доложил Голицын по встроенной в маску рации.

Татаринев посмотрел на монитор ноутбука и ничего не увидел. Прошло еще секунд пять, прежде чем электроника запищала, подавая сигнал тревоги. Прав Диденко, что не доверяет всем этим техническим наворотам.

Ни у Бертолета, ни у Маркони в их секторах проблем не было. А между тем, просто так в наше время голые негры с набедренными повязками рядом с разгружающимися кораблями не плавают. Человек не использовал ни ласты, ни маску. Он время от времени поднимался на поверхность, забирал воздух и снова нырял. Таким нехитрым способом он не быстро, но зато без сбоев и задержек приближался к кораблю.

Голицына смутило отсутствие на человеке экипировки и элементарных плавок. Может, перебежчик. Голодает человек, нуждается. Мало ли, решил рвануть в Россию ...

«Эмигрант» приближался к кораблю.

– Диверсант? – раздался в наушниках голос Татаринева.

– Я не могу это установить, – ответил Поручик.

– Ни в коем случае не подпускай его к кораблю!

– Так точно, – Голицын подплыл к ничего не подозревавшему пловцу ближе и упер в плечо приклад «АДС», приготовившись к стрельбе...

Блин, может быть, человек купается, мало ли. Занесло спортсмена-триатлониста, всякое бывает.

Приблизившись к кораблю, голый ныряльщик как-то уж очень ловко снял с себя набедренный пояс, оставшись в чем мать родила, и так резво-резво суча ногами, начал тянуть руки к корпусу корабля.

«Вряд ли у него там конфеты», – подумал поручик и нажал на курок. Пули остановили диверсанта, когда до днища оставалось несколько метров. Поймав металл, выпущенный в него снизу вверх, ныряльщик обмяк, посылка выпала у него из рук и начала падать вниз. Привычка не хватать неизвестные предметы на самом деле уже много раз спасала Денису жизнь, поэтому он продолжил следовать правилу: не трогать того, чего не знаешь, и позволил явно тяжелому поясу, если судить по скорости погружения, упасть на дно.

– Объект уничтожен, – доложил Поручик.

Татаринев попросил, чтобы Голицын осмотрел пловца, на что получил ответ, что лапать голых негров, пусть и в перчатках, никакого удовольствия... Прервав шуточки непечатным словом, Татаринев потребовал утроить бдительность. Для предотвращения возможных атак в воду стали спускаться и другие члены группы подводных боевых пловцов.

– Никого не вижу, – доложил Бертолет.

– У меня все чисто, – рапортовал Марконя.

Тем временем Татаринцов подошел к майору и как можно более спокойным тоном сообщил, что была попытка диверсии.

Кривошееву стало ясно, что сегодняшний день они вряд ли закончат тихо и спокойно.

– Кто это, установить удалось? – поинтересовался майор.

– Нет, он был абсолютно голый. Тащил на себе какой-то пояс, который собирался прикрепить к кораблю.

– Ясно.

Майор подошел к беспрерывно курящему капитану и спросил у него, сколько еще времени нужно на разгрузку.

– В таком прекрасном темпе не меньше двенадцати часов, – ответил капитан и уточнил:

– Что-то случилось?

– Нет, пока ничего, – бросил майор.

Все отделение Татаринцова, кроме него самого, было в воде.

– У меня контакт, – доложил Диденко.

– Взять живым, – приказал Татаринцов. – По возможности.

Еще один голожопый адепт неизвестной веры направлялся к российскому судну с гостинцами.

Когда диверсанта дернули за ногу и потащили на дно, он попытался лягнуть в ответ, но получил быстрый удар кулаком в ухо, после чего, оглушенного, его доставили на борт корабля с помощью веревок.

Пока «засланец» приходил в себя, солдаты успели оценить длину его члена. С таким рогом можно и на эротическую выставку...

Когда наивный абориген открыл глаза, ему на плохом английском пообещали затолкать член в рот, если тот не начнет говорить правду-матку. Но тот понимать отказывался, пришлось искать переводчика с французского.

– Серов! – заорал Кривошеев, выдергивая из надстройки своего связиста.

Электроник загрузил в голову французский, и допрос начался. Около двух минут стороны не могли нащупать контакт, однако после того, как майор Кривошеев лично надавил берцем на яйцо диверсанта, тот наконец запел, как дива в «Пятом элементе» Бессона.

Майор начал зло:

– Фамилия, имя, род войск, номер части, – после чего достал свой штатный пистолет Ярыгина и направил его в лоб. Но с яйца все ж сошел, добрый человек.

Старпом Федюнчик поспешил привлечь внимание капитана к происходящему на палубе. Пожаров подошел в тот самый момент, когда майор морской пехоты сверлил дулом лоб упрямого негра. Справедливости ради надо заметить, что к этому моменту спесь пойманного диверсанта сошла на нет. Через некоторое время бойцы подняли на борт тело его убитого товарища. Правильное стечение обстоятельств помогло намного быстрее развязать негру язык. Вид мертвого друга действовал отрезвляюще. Эти белые не шутят!

Как только пленный начал говорить, зрителей стало меньше. Солдат интересовало, сколько продержится этот черножопый, а офицерам нужна была информация. После первых членораздельных звуков всем стало понятно, что диверсант сломался, и теперь дело за малым: вытрясти из него информацию.

В пояс взятого в плен обнаружили несколько небольших магнитных мин, которых было вполне достаточно для того, чтобы пустить корабль на дно. Первым делом майор спросил о том, сколько еще таких же, как он, будут прорываться к кораблю.

– Но, но, – негр отрицательно замотал головой, поднял вверх указательный палец и потыкал им себя в грудь. Глаза его смотрели на майора по-детски искренне.

В это самое время в ухе Татаринова прозвучал доклад Бертолета о том, что они могут принимать на борт еще одного. Натянутые мокрые веревки вытащили на палубу очередную «рыбку».

Кривошеев заорал на русском:

– Ты врешь мне, сука! – Майор картинно встал в позу матадора, готового низвергнуть раненного быка, только вместо шпаги, заведенной для решающего укола, Кривошеев отвел пистолет от лица обладателя размера шесть XL, чтобы тот мог видеть черное дуло, тот самый тоннель, через который ему предстоит пролететь.

Татаринов даже губу поджал с завистью. Он никогда бы не подумал, что майор столь артистичен, мог бы играть во МХАТе или в каком-нибудь ином приличном театре, вместо этого взял и в армию пошел.

Несмотря на все выпады, сломавшийся было диверсант неожиданно замкнулся. Кривошеев отошел в сторону и поискал глазами своего подчиненного, который на самом деле был уже рядом. Крепкий сержант со сломанным носом и дикими звериными глазами настоящего хищника кошачьей походкой подошел к сидящему на палубе пленному.

Что это был за человек и почему именно его майор искал глазами, многие увидели через секунду. Из негра начали делать черную отбивную так интенсивно, как орудуя повара в ресторане после поступившего к ним заказа от уважаемого клиента.

Несмотря на то что на пехотинце, обрабатываемом пленного, был бронежилет и полностью набитая раскладка, многим казалось, что удары, которые наносит этот человек, невозможно было выдержать.

Но в этом и заключался смысл всего действия. Новенький голожопец, только поднятый на борт, был куда более хлипкого телосложения и перепуган был похлеще напарника.

Кривошеев подбежал к новому действующему лицу их незатейливого шоу. Мужичок сидел у борта и трясся от страха, поджав под себя ноги. Серов только успевал переводить.

– Фамилия, имя, род войск, номер части!

И случилось чудо.

Мы должны отметить, что это «чудо» случилось бы в любом случае, но в их ситуации время имело большое значение.

Процесс пошел, и была получена весьма ценная информация. Мало того, что еще двое должны покуситься на судно под водой, так еще и вооруженная оппозиция готовит операцию по захвату склада, который находится в порту. Цель – забрать муку.

Пленный не знал численность антиправительственных войск, однако он мог назвать примерное время начала атаки. Расчет очень прост: то, что успеют выгрузить, достанется оппозиции, все остальное пойдет на дно, и большая часть груза будет утрачена.

На вопрос, а не смущает их главарей, что это иностранное судно, ответ был на удивление прост:

– Все, что пришло к нам в руки, то наше.

Если учитывать, что в соседнем Сомали, где пиратство успело поднять уровень жизни в стране на более высокий уровень, нечего удивляться, что местные рассуждают именно таким образом.

Как можно контролировать этих людей? Насколько нужно быть жестоким и беспощадным, Татаринов себе плохо представлял. Но он вслед за Кривошеевым начал четко понимать, что тихо выпутаться из начинающейся заварушки им уже не удастся.

Капитан судна Пожаров, глядя на то, как допрашивают пленных, потерял контроль над собой, и его нижняя челюсть начала жить сама по себе. Старпом поспешил успокоить капитана, уверяя его в том, что военные держат ситуацию под контролем.

– Какой, на хрен, контроль! – не согласился капитан. – Никому не жрать, не спать, не срать! Иначе мы отсюда живыми не выберемся, – поставил задачу Пожаров, глядя на то, как

ничего не подозревающие внизу люди продолжают заниматься разгрузкой. – Мы этим сукам хлеб привезли, а они к нам с бомбами лезут. Дурдом какой-то.

– Это не дурдом, это Джибути, – поправил Федюнчик, – хотя, наверное, капитан, вы правы, это одно и то же.

– Это... это, млять, вообще Луна какая-то. Это не у нас на планете происходит! – Капитан посмотрел на безоблачное небо, где солнце успело скатиться с зенита. Он бросил старпому, что тот остается за старшего, а сам поспешил спуститься по трапу к человеку с папочкой, который продолжал следить за ходом работ.

У распорядителя были тонкие ручки и тонкие ножки. На его голове волосы не отличались густотой и кудрявостью, как у большинства его соплеменников. Зато были золотые часы и золотое кольцо на пальце, что говорило как минимум о смелости этого человека, который решил вот так вдруг ходить с дорогими вещами в бедном и голодном городе.

– Вы можете добавить еще машин, чтобы разгрузка закончилась быстрее? – попросил капитан на английском.

В ответ он услышал, что машин и так достаточно.

Действительно, посмотрев на вереницу грузовиков, Пожаров согласился, что темп зависит от эффективности работы экипажа корабля, от того, насколько быстро и четко вращаются стрелы кранов, цепляя очередную порцию груза...

Капитан знал, что порт Джибути – это основное предприятие, дающее доход стране, и здесь работа должна быть отлажена. Кроме порта есть еще железная дорога и полумиллионное стадо животных со своими шкурами. Больше ничего. Пустыня. Голая земля. Летом температура за сорок, зимой за тридцать, и ни капли дождя круглый год. Если бы не стратегическое положение Джибути на берегу Баб-эль-Мандебского пролива, это государство вообще никогда бы не привлекало к себе внимания. Как оно вообще образовалось?

Интересно, думал Пожаров, как бы себя вел распорядитель работ, этот надсмотрщик за собратями, зная, что творится у них на борту и что совсем недавно творилось под водой.

Пока капитан снова поднимался по трапу наверх, на другой стороне продолжался допрос пленных, а несколько человек продолжали смотреть за акваторией вокруг корабля.

Татаринев непосредственно участвовал в допросе, не снимая наушников и продолжая слушать одним ухом сонар, а другим пленного. Кроме того, он успевал время от времени машинально поглядывать на воду. Внизу были шестеро его людей. Они должны были удержать периметр и сделать все возможное, чтобы судно простояло в этом порту еще несколько часов.

Наушник пронзительно завизжал. Татаринев начал шарить глазами по воде и увидел небольшой серебристый цилиндр в толще воды, который приближался к кораблю настолько стремительно, что практически ничего нельзя было успеть сделать. Капитан второго ранга на инстинктах сорвал с плеча автомат, прицелился и начал стрелять в воду. При этом он начал кричать по рации, чтобы все срочно поднимались на борт.

– Надо попасть, надо попасть, – дважды повторил Татаринев, стреляя короткими очередями по приближающейся торпедой.

Остальные, кто стоял рядом с ним, схватили оружие и, поняв причину, тоже начали палить в приближающуюся смерть.

Случайные зеваки, наблюдая со стороны за тем, как пловцы ловко и с невиданной скоростью поднимаются наверх, могли бы подумать, что к ним приехал цирк «Дю солей», но на самом деле это была борьба за жизнь. Пловцы хватались за сброшенные им веревки и веревочные лестницы и карабкались вверх как могли. У дупотопной, не исключено что самодельной, торпеды не было шансов, когда десяток стволов лупили по ней. Тем не менее она успела сдетонировать от попадания пули. Главное, что в воде на тот момент уже не было ни одного человека из группы Татаринова.

Автоматная пальба, взрыв и многометровый фонтан уничтожили конспирацию.

Рабочие на разгрузке поняли, что на корабле и рядом с ним происходит что-то опасное. Водители грузовиков в панике побросали машины и бросились бежать с пирса прочь. В минуты опасности стадное чувство гипнотически охватывает человека, и тот, как всякое животное, поддавшись инстинктам, убегает прочь, пихая и топчя тех, кто мешкает...

Кривошеев расставил весь личный состав вдоль бортов с оружием в руках и заставил смотреть в воду. Татаринов слушал сонар...

На берегу появился дымящийся шлейф, который прочертило нечто, вылетев из-за угла одного из зданий. Боеголовка попала в брошенный грузовик и взорвалась. Грохот и дым разогнали оставшихся рабочих, заставив их скрыться с пирса. С корабля было хорошо видно, как несколько вооруженных групп бегут к тем машинам, которые бросили в панике водители. Боевики садились за баранки и уводили машины в только им известном направлении.

Похоже, местная полиция и армия вступили в бой, так как в самом порту началась перестрелка.

Капитан сухогруза страшно вращал глазами, в то время как Кривошеев задал ему вполне логичный и уместный вопрос:

– Сколько успели разгрузить?

Тот посмотрел на часы.

– Процентом тридцать.

– Нужно отводить корабль в море. Здесь мы долго не продержимся. Или пловец, или торпеда доберутся до корабля.

Обрадовавшись, капитан сухогруза scomандовал матросам отдать швартовы. Корабль стал стремительно готовиться к отходу от недружелюбного берега.

«На хер, на хер, сваливать надо отсюда. Их там, ёптуть, несколько тысяч безумных придурков. Как ни приедешь к этим обезьянам, они все время на тебя норовят с автоматом броситься».

Только став у штурвала, Пожаров пришел в себя и крепко вцепился в штурвальное колесо, готовый сам выполнять команды, которые себе и отдавал.

– Уходим, уходим отсюда, – радостно поддерживал его старпом Федюнчик.

Корабль начал отдаляться от берега, и в это время Татаринов спросил Кривошеева, что тот собирается делать с пленными.

– Отпустим в свободное плавание. Только от берега отойдем на пару кабельтовых, – грустно пошутил майор.

Сбросив с себя гидрокостюмы, Поручик и Диденко стали рассматривать захваченное у пловцов содержимое поясов.

– Это что за херня, – Диденко разглядывал небольшую магнитную мину. – Ты посмотри, это по-французски.

– Угадал. Просто так на базаре не купишь.

– Так ты не был на местном базаре, – отметил Поручик, – может быть, как раз у них это добро продается точно так же, как финики, на одном прилавке.

Лысый морпех со сломанным носом, которого все звали не иначе как Саша, без колебаний сбросил тело убитого диверсанта в море. А дальше, с помощью отеческого пинка, отправил в море расколовшегося пленного, затем подошел к стоящему уже за ограждением обладателю большой штуковины между ног. Негр неожиданно повернулся и попытался вынуть из ножен нож у морпеха... В следующее мгновение Саша отвел руку негра в сторону, вынул холодное оружие и мгновенным неуловимым движением полоснул по горлу бедняги. Легонько толкнув его от себя, он отправил бестолкового аборигена на корм рыбам.

Как только стало понятно, что опасность ему больше не угрожает, капитан судна был готов жить заново. Но стоящий на мостике майор Кривошеев не дал ему этого сделать. После доклада Москве командир получил новый приказ, который никого не обрадовал.

Татаринов не удивился. Когда тебя по службе постоянно засовывают в какие-то дыры, рано или поздно ты перестаешь удивляться тому, что тебе на голову сваливаются все новые и новые задачи.

– Идем назад, – приказным тоном заявил Кривошеев.

Капитан сухогруза посмотрел на него как на самоубийцу и твердо сказал:

– Нет! – Но его подбородок задергался, что придало ответу несколько панический, а не ультимативный характер.

В отличие от капитана сухогруза, морпех привык постоянно ломать ситуацию в свою пользу. Работа-то на воздухе, работа-то с людьми.

– Разворот на 180 градусов! – прокричал прямо в ухо капитану Кривошеев, так громко, что не только у капитана, но и у старшего помощника Федюнчика подсели предохранители.

– Не имеете права, – промямлил капитан, но кто бы его дальше слушал.

– Мне приказано поддержать огнем правительственные войска. Ты хоть понимаешь, что нам сейчас предстоит?

Штурвал вяло начал поворачиваться. Нос корабля потихоньку сделал свой выбор между жизнью и «не жизнью» в сторону последней.

– Капитан, швартуемся прямо в порту. Нам нужно подойти как можно ближе к месту боя. И не трясись, ты еще на этом свете, а не на том!

Кривошеев вышел с Татариновым на открытый воздух.

– Слушай, кавторанга, остаешься прикрывать эту баржу, пока я со своими людьми буду наводить порядок. У меня, млять, задача не дать захватить склад в порту. Если боевики доберутся до муки, они смогут протянуть несколько месяцев, а корабль будут пытаться потопить, чтобы правительству ничего не досталось. Тот, в чьих руках находится продовольствие, тот и владеет ситуацией. Вот такие дела.

– Будем прикрывать баржу, – ответил Татаринов. – Серова ко мне! – приказал он. И капитан появился перед командиром будто джинн, прямо из ниоткуда. – Налаживай связь со спутником. Мне нужна картинка.

– Есть, – капитан побежал к своему обильному багажу, который был свален на продовольственном складе, больше места не нашлось.

До начала боестолкновения оставалось не более получаса.

Майор смотрел на картинку. Спутник четко показывал, что затор из грузовиков растянулся на шестьсот метров, аккуратно от причала до склада. Дорога к складам проходила мимо контейнерной площадки и двух ангаров.

Берег быстро приближался. До них уже стали отчетливо долетать звуки выстрелов, и это не оставляло надежды на то, что ситуация уляжется по-тихому.

– Первое отделение, на бак! Второе отделение, на ют! Третье отделение спускает трап и тащит багаж! – отдавал команды Кривошеев.

– Старпом! – Татаринов, согласовав идею с майором, вошел в рубку. – Скажи своим людям, что, как только мы причалим, необходимо несколько поддонов с мукой выставить на причал перед кораблем. Это поможет пехотинцам создать плацдарм. Если удастся, поставьте несколько поддонов в ряд.

Проинструктиввав старпома, Татаринов построил свою группу. Кавторанга невольно посмотрел на стремительно вырастающий город.

Издали портальные краны напоминали игрушки из конструктора «Лего». Теперь они резко выросли в размерах и нависали над входящим в порт «Василием Теркиным», давя своей масштабностью на и без того взвинченную психику.

– Наша задача – нейтрализовать возможную угрозу с акватории порта. Возможно появление катеров и торпед, а также применение гранатометов и стрелкового оружия. На корабле остается около трех тысяч тонн муки. Это продовольствие нужно людям. Разойтись.

Аборигенам нельзя было отказать в находчивости. Как только они поняли маневр русских, дюжина злых боевиков выкатилась на причал, оседлав джипы с установленными на них пулеметами.

Не дожидаясь остановки, Татаринцов отправил охранять судно под водой Голицына, Диденко и Марконю. Остальные оставались наверху для страховки. Малыш притащил свою любимую игрушку: крупнокалиберный пулемет «Корд».

Татаринцов указал ему место на палубе. Что такое крупнокалиберный пулемет «Корд» калибра двенадцать целых семь десятых миллиметра? Ответ: это двухметровая дура, которая плюется тяжелыми пулями.

– Нам этого не хватит, – покачал головой Татаринцов и отправил Малыша еще за одним.

Когда перед вами поставлена задача не дать потопить стодвадцатиметровое судно, а людей у вас всего ничего, вы начинаете воспринимать мир в несколько ином свете.

Эх, если бы у них было время... Они бы заминировали и сушу, и воду, никто бы не прошел, никто. Но неувольного времени, которое можно лишь измерить колебаниями маятника, самого драгоценного ресурса, у них не то чтобы не было, его уже больше не существовало.

Спутниковый телефон, вспотевший Серов. Английская речь.

На связи находился верховный главнокомандующий всеми войсками Джибути, президент Сапфир Нияз.

Глава государства лично просил русского морпеха отбить склад с продовольствием.

Кривошеев заверил, что сделает все возможное. И президент не стал долго разглагольствовать, пожелав удачи, отключился.

Нельзя сказать, что такое напутствие майору не понравилось... Местный президент собственной персоной... Но он быстро вернулся с небес на землю.

Когда до берега оставалось не более трехсот метров, боевики открыли огонь по кораблю. Ожидая атаки, русские заблаговременно выложили мешки с мукой на носу корабля и организовали бойницы с помощью поддонов, вставив в них стволы пулеметов.

Два пулеметных расчета морских пехотинцев плюс один снайпер, этого оказалось достаточно для того, чтобы перемолоть толпу, которая решила пострелять. Однако одного человека солдаты все-таки упустили, и увы, у него на плече был РПГ-16. Граната, оставляя за собой белый шлейф, ударила в нос корабля. Взрывной волной несколько человек были отброшены со своих позиций. Кого-то придавило мешками, кто-то ударился головой о палубу – благодаря каске черепушка цела, а мозги звенят.

– Зачистите мне берег! Корабль должен встать у причала! Балкан, не слышу тебя, Балкан! – орал майор, отдавая, таким образом, приказ гранатометчику начать зачистку причала, по которому продолжали сновать безумные черные фигурки с опасными железками в руках.

Расстояние быстро сокращалось. Морпехи продолжали вести автоматный огонь из-за импровизированных баррикад. Работы у снайперов прибавилось, как только корабль сбросил скорость для швартовки.

Татаринцов дал приказ своим погружаться в воду.

Поручик перелез через борт и кивком головы дал «добро» солдатам начать спуск.

– Охренеть! Вторжение русской морской пехоты на территорию независимого государства, – подвел итог Голицын, прежде чем спуститься в воду и заняться своим непосредственным делом – боевым охранением. – Но, заметьте, по просьбе местного вождя, то есть президента.

Если боевики пошлют им такой же привет, как они сделали это несколько ранее, то дела его не очень... Руками самопальную торпеду не поймать...

Корпус судна прижался к суше. Несмотря на навешанные вдоль причала покрышки, слышался скрежет. Надо отдать должное капитану Пожарову. Если принимать во внимание

текущую ситуацию, он выполнил свою работу так быстро и точно, как только это вообще было возможно.

Команда корабля, управляя кранами, начала спуск на землю поддонов с мукой для того чтобы создать десантникам опорные точки, способные прикрыть их от стрелкового оружия.

Всю огневую мощь, которая была у морпехов, они перенесли на правую сторону, и начали выкашивать перед собой пространство для того, чтобы впоследствии закрепиться на берегу.

Рядовой Иваненко, после того как были сброшены с борта веревки, первым начал спускаться вниз. Солдат стал первой боевой потерей взвода на берегу Джибути. Откуда-то со стороны ангара раздался одиночный выстрел, и боец, выпустив из рук веревку, упал на причал. Его сослуживцы продолжали спускаться и, оказавшись на земле, заняли позиции за мешками.

Краны, как и было условлено, после того как бойцы освободили крюки, повернулись за очередной порцией пятитонного груза.

– Балкан!

Снова заработал гранатомет, зачищая огневые точки нападавших...

Неожиданно из-за огромных железных коробок на открытое пространство выскочили четыре джипа, в которых были вооруженные до зубов люди.

Наверное, пытались взять на понт. Но наших такими выходками не проймешь. Выстрелов из двух гранатометов было вполне достаточно для того, чтобы превратить две машины в хлам, а еще две заставить пролететь мимо десантников вдоль борта корабля...

Татаринев слышал, что по другому борту идет настоящая война, но у него были свои задачи.

Долго ждать не пришлось.

Первой в сторону корабля была запущена обычная моторная лодка, из которой заблаговременно выпрыгнули двое негров, не планируя сегодня заканчивать свой путь на земле. Подвесной мотор с вывернутой до отказа рукояткой газа гнал лодку к «Василию Теркину».

В который раз счет пошел не на секунды, а на мгновения.

– Ненавижу! – хрипел Малыш, повернув дуло пулемета в сторону приближающейся опасности. На пару с Доком, которому по призыванию надо было бы людей лечить, а не стрелять, они изрешетили посудину вдоль и поперек... Но несмотря на чудовищные повреждения, аппарат продолжал приближаться к борту судна.

– Да что же это такое, млять! – не выдержал Татаринев, и вот как раз от этих его слов катер и пошел ко дну, так и не взорвавшись.

Фокусы на этом не закончились. Снова откуда-то запустили торпеду, понять бы как они это делают, блин, но и в этот раз морпехи успели разглядеть опасность и начали стрелять в приближающийся объект.

В это время Поручик только по связи с командиром мог догадываться о том, что происходит наверху.

«А у меня тут спокойно все. Вот и хорошо», – размышлял Голицын, зависнув в толще воды между небом и дном как испанский тритон в аквариуме, ему только хвоста для опоры не хватало. Его задача находиться недалеко от корабля и осматривать окружающее пространство, не дать пловцам противника подойти к днищу.

Перед носом пролетела стайка пузырьков. Поручик посмотрел себе под ноги. Не исключено, что под ним ползла какая-то тварь.

Пузырьки повторились уже ближе к кораблю. Он четко понял, что не успевает за этим засранцем. Пока он нырнет на несколько метров вниз, пока разглядит, что там происходит...

Пришлось стрелять из автомата в предполагаемый источник пузырьков, не жалея боезапас.

В любом случае диверсанту придется подняться выше для того, чтобы закрепить мину.

«А если его ждет там какой-нибудь сюрприз?» – размышлял Поручик, интенсивно взбивая ластами океан.

Первый вывод, который сделал Денис, когда увидел живого аквалангиста с ящиком в руках, это то, что он не попал. Диверсант заметил приближающуюся опасность и посмотрел снизу вверх на накрывшую его тень. Патронов в автомате не осталось, пришлось выхватить пистолет.

Человек под водой все равно что рыба на суше. От ловкости и подвижности мало чего остается. Сколько бы ты ни тренировался, все равно плотная среда не дает тебе в полной мере реализовать себя.

То, что Денис увидел, ему крайне не понравилось, так как аквалангист бросил на дно ящик и навел на него подводное ружье. Они выстрелили друг в друга одновременно. Поручик видел, что попал, причем попал не один раз, но в то же самое время ему в живот вошел гарпун, выпущенный из подводного ружья.

На помощь Поручику подплыл Диденко. Закрепленная как раз на животе пловца система замкнутого дыхания была выведена из строя, но сам Голицын не был ранен.

Старлей сказал Деду, что на дне лежит ящик, а сам был вынужден быстро подниматься на поверхность.

До кучи из-за здоровой баржи показался небольшой катер. Но не стал двигаться по направлению к сухогрузу. Бандиту, сидящему в нем, это было совсем не нужно. Татаринов увидел смерть. Встав на одно колено, человек с гранатометом на плече смотрел прямо на него.

Как и когда из воды вынырнул Марконя и как он стрелял, кавторанга не видел, зато увидел результат. Тело стрелка дрогнуло, и оружие выпало из его рук.

Голова Маркони была еще над водой, когда с другой стороны баржи показались более крупные цели, увешанные стрелками...

«Тактики, романтики», – сообразил Татаринов. Отвлекающий маневр с фланга и атака в лоб.

Марконя просчитывал ситуацию не хуже компьютера. До лодки, в которой еще недавно стоял убитый им стрелок, было не более пятидесяти метров. Эх, старость не радость! Он рванул к посудине, на дне которой лежало то, что ему сейчас было нужнее всего: ЭР-ПЭ-ГЭ!

Катера перли на «Теркина» и стреляли. Несмотря на огонь пулеметов, бандитам удалось приблизиться к судну и выстрелить.

Две гранаты одновременно ударили в борт на уровне ватерлинии. Корпус порядком тряхнуло.

Марконя забрался в лодку и, подняв «шайтан-трубу», показал, как нужно обращаться с российским оружием. Он запустил гранату точно в двигатель одного из катеров, обездвигив его и отправив на тот свет несколько человек.

Точный выстрел заставил пригорюниться участников пиратской вакханалии, и оставшийся на ходу катер ретировался с поля боя.

Обездвиженную лодку, с которой в воду стали прыгать боевики, без труда отправил на дно стрелявший с палубы Малыш, буквально усилием воли превращая сталь в лапшу. Ныряльщики, они же люди «Х», ничего не поделаешь.

Татаринов выдохнул.

– Вот суки.

Здоровенный мичман смог на секунду расслабиться, привставая с палубы и отрываясь от раскаленного пулемета.

Бледному капитану механик сообщил об интенсивном поступлении забортной воды в трюм.

– Насосы не успевают откачивать!

– Где пробойна? – заорал по рации Пожаров.

– Две, на уровне ватерлинии, – ответил механик.

Капитан схватил себя за ус и, оттянув его, отдал четкий и недвусмысленный приказ:

– Продолжать выгружать муку на причал!

Автоматная стрельба потихоньку затихла. В наушнике у Татарина появился голос майора Кривошеева.

– Мы высадились, можете отводить судно обратно в море.

– Ничего не выйдет, две пробоины по ватерлинии. Капитан принял решение разгружаться.

Кривошеев удивился, что Пожаров, оказывается, на что-то еще способен.

– Хорошо, – отозвался он, – это не слишком меняет ситуацию, пусть разгружается.

«Для того чтобы корабль поднялся выше пробоин, уйдет часа три-четыре», – рассуждал сам с собой Татарин, направляясь в капитанскую рубку. На его пути неожиданно, прямо как в сказке, возникли три черные фигуры со стрелковым оружием в руках.

Как они смогли пробраться на корабль, в данную секунду Кэп не понимал. Единственное, что он успел сделать, это вскинуть оружие и, улетая прочь с линии огня, дать длинную очередь.

Ему на помощь подоспели Малыш и остающийся пока в гидрокостюме Поручик. Еще два человека были встречены в тот самый момент, когда они уже перелезали через борт и с напутственными речами из калибра 5,45 были отправлены в ад.

Дабы не словить пулю, Голицын прополз по-пластунски и аккуратно выглянул за борт, убеждаясь, что по заброшенным на корабль кошкам больше никто не лезет.

– Вот и не надо, – согласился он сам с собою, когда никого не увидел.

Снова в ухе Татарина появился Кривошеев.

– Ты поговори там с капитаном, чтобы он шевелился... Мне нужно склад отбивать, и бросить вас я тут не могу!

Когда Татарин, наконец, задал капитану интересовавший всех вопрос о времени на разгрузку, тот посмотрел на него красными воспаленными глазами.

– Два крана выведены из строя, вы что, не видите?

– Можно как-то заделать пробоину, отойдя от берега, выбросив груз в океан? Мы здесь уязвимы. Люди не могут работать на пределе бесконечно. Да, терпения хватает, но не нужно играть с судьбой в русскую рулетку.

В это время над головами неожиданно пролетел французский вертолет.

– О, – прокомментировал Малыш, – подняли жопы со своей базы и решили посмотреть, что тут происходит. – Французы дали пару кругов, рассматривая в бинокли корабль. Поручик пожалел вслух, что не может сказать несколько горячих слов этим папарацци...

Татарин услышал в наушнике голос Голицына. И это снова было не к добру. Кэп выскочил на палубу к пулеметам.

Звук приближающихся катеров.

Это одна большая чернокожая семья не шутила с ними, пытаясь всеми силами потопить русский сухогруз. На этот раз бандиты направили к сухогрузу три катера с гранатометчиками.

Не приближаясь к кораблю, с катеров начали стрелять и в борт, и в последний работающий кран.

– Боезапас на исходе! – заорал Малыш, который по простоте душевной не пополнил его после предыдущей стычки.

Экипаж корабля абсолютно не был обязан воевать, однако жить хотелось всем. Кок Тургун метнулся из надстройки и притащил две коробки с патронами. Однако время было упущено. Ни Малышу, ни Доку некоторое время просто было нечем останавливать наступление, а автоматного огня было явно недостаточно. Все, что пока удалось сделать морпехам, это обездвигнуть один катер. Но два других стремительно приближались.

Несмотря на автоматный огонь, боевики смогли выстрелить из гранатометов и пробить корпус корабля еще в двух местах. Не надо быть великим ученым, чтобы понять, что корабль вновь тряхнуло, но, на «счастье», прицельно стрелкам не удалось и судно получило пробоины достаточно высоко над водой.

Сделав круг, катера отошли на некоторое расстояние и собирались осуществить второй заход на цель. Надо отдать должное, задачу по потоплению судна боевики выполняли с маниакальной настойчивостью.

Крупнокалиберные пулеметы наконец-то получили питание и начали выкашивать сами посудины и обслуживающий персонал.

Всего через пару минут стало тихо. И на поверхности воды более никого не осталось. Морпехи поднялись с палубы.

Голицын провел ладонью по лицу, поднял голову, посмотрел на изрешеченную пулями надстройку. Война, война.

– Татаринов, ты как там, управился?

– Управился, майор...

– Я тебе еще одного человека оставлю, мне надо склад брать, приказ министра обороны и местного тумба-юмба.

– Понял, – ответил Татаринов.

Сухогруз продолжил разгрузку. Экипаж пытался оживить поврежденные краны, и небезуспешно.

Татаринов в оконном отражении неожиданно поймал свой собственный взгляд.

«Ну что, вспотевшая бледная российская рожа... Метнулся на экватор повоевать. Классно тебе здесь. Здорово... сношаться с местными олигофренами. Ну так ты этого с детства хотел, вот и получай по полной программе».

По трапу поднялся рядовой с перебинтованной рукой.

– Док, займись! – крикнул командир. «Оставил помощника. Ну, Кривошеев, шутник».

Майор вместе со своим взводом стал продвигаться между ангарами к портовому складу. Прикрывая друг друга, за пять минут бойцы преодолели расстояние в полкилометра, не встретив вообще никакого сопротивления.

Кривошеев понимал, что холку они противнику намяли. Но очень может быть, что сейчас боевики попьют водички, вколют себе стимулирующую дурь или покурят чего и снова попрут...

Еще через три минуты майор сообщил Татаринову, что склад под их контролем, но войти в него они не могут, так как боевики, по его словам, успели там насрать. Теперь им требуется сапер, а как назло, своего они потеряли убитым, когда вступали в бой, а второй сапер ранен и сидит как раз у Татаринова.

Оценив ситуацию, Кэп приказал Бертолету собираться в путь-дорогу вместе с Голицыным.

– Вдвоем выдвигайтесь к складу. Посмотрите, что там за сюрпризы.

Как раз в этот момент подняли прикрепленный к крюку ящик, тот самый, который тащил аквалангист, убитый Голицыным. На поверку оказалось, что этот ящик на самом деле и не ящик, а настоящая здоровая магнитная мина, причем современная. Судя по маркировке, вещица опять же французская. Элегантно встроенный цифровой таймер не оставлял никаких вариантов. Если бы пловцу удалось прилепить эту штуку, он мог бы запустить обратный отсчет... Мало никому не показалось бы...

– Ожесточенная схватка за будущие макароны, – комментировал Поручик, быстро переодеваясь.

– Ничего, – отозвался Бертолет, – вроде бы морпехи придурков разогнали, полегче будет. Похлопали по карманам. Осмотрели друг друга. Присели на дорожку, да и пошли.

Нагрузились так, что подгибались ноги. Пройти по закоулкам им нужно было всего-то около шестисот-семисот метров, но в военном деле жадность не порок, чем больше тащишь, тем дольше живешь. Да и потом, как там дальше сложится, неизвестно.

Армейские ботинки неожиданно гулко топали в порту, который до стрельбы жил обычной мирной жизнью. Вокруг все замерло. Осиротели стоящие на разгрузке корабли, перестали трудиться подъемные механизмы. Прекратили сновать погрузчики, сигналить грузовики. Перепуганный народ разбежался, решив повременить со своим возвращением до тех пор, пока все не уляжется.

Они спустились с трапа, обошли созданные экипажем Пожарова горы из мешков с мукой и отправились к углу ближайшего ангара для того, чтобы обогнуть его и выйти на прямую дорогу к складам.

Меж тем солнце начало опускаться к горизонту и стало чуть прохладнее. Между морем и берегом начал гулять ветерок, что несколько освежало. Повернув за ангар, они увидели неширокую асфальтированную дорогу. Впереди виднелся склад и стоящие около него морские пехотинцы. Осталось пройти несколько сотен метров. И они пошли. Пошли, прижимаясь к контейнерам, небольшими перебежками, отслеживая ситуацию.

Преодолев метров пятнадцать, Бертолет привалился к синему контейнеру и припал на одно колено. В его секторе все было чисто, и об этом он дал знать своему напарнику, который поспешил преодолеть отведенный ему отрезок. Если со стороны Бертолета были контейнеры, то со стороны Поручика шла сетка рабица, поросшая снизу прибившейся к ней травой. За сеткой тянулся ангар, который закрывал Поручика от возможных неожиданностей. Ему приходилось все время смотреть в щели, в проходы между контейнерами на стороне Бертолета, чтобы предотвратить возможность нападения на напарника.

Когда Поручик увидел, что какой-то человек пытается приблизиться к саперу, его автомат, не задумываясь, послал двойку в сторону незадачливого партизана.

Бертолет отшатнулся. Еще бы! От страха сдохнуть можно, когда перед носом пули свистят... Поблагодарив кивком, он осторожно высунул свой нос в проход и увидел труп. Рядом с телом на земле валялся какой-то чудной автомат, каких он в жизни не видел. Такое ощущение, что его местные умельцы собирали из металлолома. На «калашников» похож, но это точно не «калаш», это непонятная модель, в непонятном масштабе, под непонятный патрон.

Вот был бы он коллекционером оружия, обязательно бы взял с собой в качестве сувенира. А так, кому это говно нужно.

Когда они уже были в ста пятидесяти метрах от своих, на бедного Бертолета снова напали со стороны контейнеров.

Негритенок, дите по возрасту, бросился на Бертолета с ножом, привязанным к палке. Он пытался таким примитивным копьём проткнуть солдата в бронежилете, что само по себе было не слишком умно. Опешив от такой наглости, Бертолет не успел сообразить и убрать палец с курка. Два выстрела отбросили мальчишку. Тут же с контейнеров на него спрыгнули люди, только на этот раз в их руках были мачете. Если бы не точная стрельба Голицына, получила бы семья Бертолета похоронку.

Поживем еще!

Два человека выбежали с тыла и попытались опять такими же тесаками просто зарубить солдата, что им отчасти удалось, так как на бронежилете осталась вспоротая ткань, но не более. Морпехи уложили нападавших, а Кривошеев смилоствивился и послал к ним на помощь пять человек, чтобы наконец решить проблему...

Огромные металлические ворота портового склада были открыты. Пехотинцы рассредоточились перед ними, не решаясь зайти внутрь. Поблагодарив майора за то, что он позаботился об их задницах, лучше поздно, чем никогда, Бертолет с Голицыным пошли оценивать

проблему с видом людей, награжденных однажды Нобелевской премией, премией мира, разумеется. Они ж миротворцы, по сути.

Бертолет попросил отойти зрителей на безопасное расстояние. Данное указание касалось и сопровождавшего его Поручика. Тот не возражал.

Судя по тому, что десантникам удалось без проблем открыть ворота и ничего не взорвалось, мины не реагировали на движение.

Так-так. Перед Бертолетом было натянуто классическое дурило, состоящее из двух растяжек с прикрепленными к колоннам ангара гранатами. Но было что-то еще, что именно, он пока не мог сообразить.

– Курящие есть? – спросил сапер, потом вспомнил, что с недавних пор таскает с собой специальные очки. Водрузив их на нос, он совсем отдалился от народа и стал похож на заумного такого ботаника...

Сколько он ни смотрел, но лазерных лучей не видел.

Если ты привыкаешь к безалаберности противника, то теряешь бдительность. Бертолет помнил, что сапер ошибаться не имеет права. Любая ошибка – последняя... И тот, кто ставит растяжки и крутит всякие хитроумные петли, тоже про девиз сапера знает, и такой гад на двести процентов опаснее любого солдата, обученного лишь стрелять из автомата...

Да, может быть и так, что поставили впопыхах две гранаты и успели убраться к чертовой матери, пока их тут не перебили.

Старший лейтенант задумался. «Когда, блин, мне за эту работу капитана дадут?»

– Ну что там? – тревожил майор. – Мы здесь на голом месте стоим, нам необходимо уйти за стены.

– Дайте мне еще время, – попросил Бертолет.

– Бери, – кисло ответил майор. – Даю тебе то, чего на самом деле у меня нет.

Перекрестившись, сапер засунул голову в огромный ангар. Света от солнца пока хватало для того чтобы разглядеть груды наваленных мешков и длинных поддонов с консервами, которыми был завален этот склад. Но чужое добро его абсолютно не интересовало. Он искал подвох.

– Чего молчишь? – не выдержал Поручик.

– Думаю, – ответил старший лейтенант, даже не соизволив повернуться в сторону товарища. Ничего, простит, не водку пьем.

«Итак, я тупой, я увидел растяжку и пошел ее снимать. Я даже показался сам себе самым умным на свете, и в этот момент «ба-бах»! А что это за ба-бах?» Бертолет приблизился к гранатам. Он осмотрел колонну, потом подошел к противоположной, к той, где была закреплена проволока. Ничего не увидев, он вернулся на место на входе. Тут на склад залетел дурной воробей, перелетел через растяжки и уселся в полуметре от Бертолета, как ни в чем не бывало. Бестолковая птица.

– Кыш отсюда, – тихо сказал старший лейтенант. Птица вспорхнула вверх. Спецназовец невольно посмотрел на траекторию полета птицы. В глаз попал солнечный зайчик. Что-то блеснуло вверху. Бертолет посмотрел и увидел, что птичка возвращается к нему.

Он заорал, что было мочи:

– На-а-а-зад!

Птичка крылом задела лазерный луч. Закрепленная на потолке система среагировала на размыкание цепи, которую поддерживал в замкнутом состоянии лазер, и взорвалась с огромным грохотом, обрушив крышу ангара по всей его длине, успев извергнуть из закрепленных на потолке зарядов тысячи металлических шариков...

Минутой ранее Бертолет вылетел прочь, а сейчас сидел на асфальте бледный и злой. Он понимал, что если бы морпехи не поторопились, то этот «художник» успел бы закончить полотно.

И тогда бы всему взводу хана. Луч замыкается, начинает работать таймер... А может быть, он был там... таймер, и птичка там летала давно. Может быть, не просто пронесло, а глобально.

Разве догадается обычный человек на потолок посмотреть, да никогда в жизни.

Майор подошел, помог подняться и похлопал Бертолета по плечу.

– Как же вы догадались, что там что-то есть? – спросил старший лейтенант.

– Топорная работа. На юнцов была рассчитана.

– Ага, – согласился Бертолет, стряхивая с себя пыль.

– Теперь можно входить?

– Теперь можно, – разрешил Бертолет.

Солдаты вошли в голый, лишенный крыши склад и увидели, что здесь находились знакомые им мешки с мукой. Несколько десятков тонн сахара. Несколько сотен каких-то коробок, кажется с жиром. Сухое молоко, несколько десятков тонн бананов, а в дальнем углу были свалены коровьи шкуры.

Логично, закончатся бананы, начнут жрать шкуры.

Пыль не успела осесть, а солдаты входили внутрь, ступая по деревянным балкам и бетонной крошке. Все, что осталось от крыши. Не прошло и минуты, как над головами снова пролетел французский вертолет.

– Серов, – позвал майор, – что там вокруг нас, ну-ка посмотри в свой волшебный ящик. Бойцы! Занять круговую оборону, стрелять на поражение, – отдал приказ и подошел к своему связисту, по ходу дела докладывая Татаринovu:

– Спасибо, Татаринov, толковый у тебя сапер. Как минимум нам задницы не поотрывало. Слышал, как громыхнуло?

А в это время Татаринov с тревогой ждал приближения ночи, потому что ночью проконтролировать периметр корабля они не смогут физически, отчего становилось не по себе.

– Да, слышал. Все целы?

– Все.

Кривошеев связался с тумбу-юмбой и доложил президенту, что контроль над складом установлен, и о том, что боевики отступили.

Президент с радостью воспринял эту новость и пообещал прислать национальную гвардию на помощь сразу же, после того как они уладят все вопросы с боевиками внутри города.

Действительно, с улиц столицы Джибути, которая срослась с портом еще во времена владычества Франции, доносились одиночные выстрелы, иногда перемежающиеся автоматными очередями.

Не успел народ распределиться по позициям, водички попить, выкурить трубку мира, кто охочий, как на дорогу к складу со стороны берега вывернула из-за контейнеров легкая бронированная машина с французским флажком на антенне. Двое рядовых слева и справа от ворот посмотрели друг на друга. Один спросил:

– Это что такое?

Второй:

– Международная панорама начинается.

Бронированный автомобиль проехал мимо маленькой бойни, которую устроил Голицын с напарником, трупы убирать никто не спешил, и остановился метрах в ста от склада. Из машины с белым флагом в руках вышел француз и, сделав шаг по направлению к часовым у ворот, остановился.

Поручик, положив руки на автомат, кивнул в сторону приближающегося европейца:

– Глянь, Бертолет, какие к нам высокие гости пожаловали, видать, надоело сверху фотографировать, решили лично поучаствовать.

– Сейчас будет нам телок и выпивку предлагать, – выдвинул гипотезу сапер.

Кривошеев пошел встречать гостей. Приказав Серову идти с ним и находиться в метре позади, сомневаясь, что разберет хоть слово из картавого потока.

Майор французского легиона был удивлен, увидев напротив себя человека в таком же звании. Прежде чем начать разговор, он некоторое время пялился на звездочки старшего офицера, видимо соображая, в каком тоне ему вести предстоящий диалог.

Нам прибыли зачитать ультиматум, понял Кривошеев, как только француз открыл рот. Слова не важны, важен тон. А он был уничижающе пренебрежительным. Так иногда со злой дворовой собакой разговаривает человек, отдавая ей колбасу за проход без укусов: «Ну что, сука, сожрала? Теперь вали отсюда».

Командира роты охраны французской военной базы плотного невысокого легионера звали Луи Паскаль, он говорил на плохом английском и на плохом русском, и, наверное, на плохом французском, на который он, впрочем, не переходил.

Кривошеева совсем не волновал француз, его напрягало то, что они сейчас замерли на простреливаемом месте и поэтому после того, как были совершены приветственные действия, предложил пройти ближе к складам и встать за брошенными автомобилями. Он также предложил перегнать французу джип, но тот поблагодарил и, улыбнувшись тонкими губами, пошел один вместе с майором.

«На маньяка не похож. Знает, что не будут стрелять? Может быть».

За грузовиками переговоры продолжились. Майор выдержал паузу, давая возможность гостю открыть рот, поскольку не он приехал к французу, а совсем наоборот. Хотя в глобальном плане, это как посмотреть. Если вспомнить, что Джибути была несколько веков французской колонией, а сейчас находилась в зоне влияния Парижа, так это Кривошеев в гостях. И ничего. Если прикажут, он и на Монмартре палатку разобьет.

– У вас не слишком много людей, – первое, что сказал Паскаль, глядя через плечо широкого морпеха.

У Кривошеева хватило дипломатического такта. Он лишь кивнул головой, не произнеся ни единого слова.

– Здесь сложная политическая ситуация.

– Yes, – согласился майор, показав, что он хотя бы понимает, что ему говорят.

– Вы забрались достаточно далеко от России, не так ли?

Майор снова осторожно кивнул.

– Нам поставлена задача нашим правительством навести порядок в этой республике.

Майор сморгнул, усмехнулся, мол, а если я тебе, сука, припомню французские магнитные мины, с помощью которых местные дебилы пытались утопить наш сухогруз, то получится совсем неприятная картина. Вслух же он произнес абсолютно иное:

– Да, обстановка напряженная.

Бертолет презрительно сплюнул на землю.

– Никак легионер.

– Да, – согласился Поручик. Во Франции остались одни пидарасы, поэтому они проститутки нанимают воевать за деньги.

– В легионе все офицеры – французы.

– Вот я и говорю, пидарасы.

Железная военная логика. Тут не поспоришь.

– Не скажи, патриотизм и у них имеется... Этот хлыщ мог бы прожить жизнь счастливо, наслаждаться каждым днем, попивая кафе и поедая круассаны, а вот на войну приперся.

– У вас есть прекрасный шанс уехать обратно домой в Сибирь, – резанул Паскаль. – Там, наверное, тоже скоро будет тепло.

– Да, медведи перейдут с водки на пиво.

Француз оценил шутку и даже нашел в себе силы рассмеяться.

– Численность местной вооруженной оппозиции порядка пяти или шести тысяч человек. Оставьте корабль с мукой, забирайте экипаж и уезжайте. Мы дадим вам катер, и вы сможете обратно вернуться в Аден, из которого улетите в свою страну.

До этого тупо соглашавшийся со всем майор вдруг отрицательно, какая наглость, покачал огромным костяным шаром с мозгами.

– У меня приказ министра обороны.

Француз тяжело вздохнул, посмотрел на насыщенный цвет темнеющего неба и сказал, что у него тоже.

Кривошеев пожал плечами, улыбнулся и протянул французу руку на прощание. Несмотря на душившие легионера эмоции, он нашел в себе силы пожать ее, что на самом деле нисколько не означало того, что через две минуты морпехов не начнут убивать по-настоящему.

Не успел джип скрыться с глаз, как Кривошеев связался с кораблем, где за порядком следил Татаринов.

– Как там у вас ситуация?

Ситуация на самом судне и вокруг него начала нормализоваться. Откуда ни возьмись, снова появились водители грузовиков и начали подгонять пустые машины, чтобы продолжить разгрузку. С учетом того, что склад контролировался русскими, а национальная гвардия уже была где-то в пути, можно было ожидать, что задача по доставке продовольствия все-таки будет выполнена в ближайшее время.

Обрисовав майору ситуацию, Татаринов спросил, в свою очередь, что творится у них.

Кривошеев вполне откровенно выдал, что им предложено убраться отсюда, причем оставив корабль и все продовольствие. Кроме того, француз или догадался, или знал, что военные вошли на борт сухогруза в йеменском Адене, а это напрягало.

– Интересно, – согласился Татаринов. – Корабль на ходу, пробоины заделали. Но охранять его ночью...

– Понял тебя. Отходите от берега. Оставьте аборигенам то, что уже смогли выгрузить на причал. Встаньте на внешнем рейде. Дальше как Москва скажет.

– Так точно, – ответил Татаринов. – Отходим от берега.

* * *

Если вы трехлетнему ребенку подарите самую желанную игрушку, вы не увидите на его лице такого же счастья, которое было на лице капитана Пожарова, когда кавторанга сообщил ему о том, что они должны выйти в море. Радости не было предела. Сигареты превращались в бычки с утроенной скоростью.

Любой корабль в далекой стране – это частица России, и Татаринов со своими людьми, глядя на то, как отдаляется от них сухогруз под российским триколором, с грустью подумал о том, что, может быть, в последний раз видит флаг своей страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.